

ОЛЬГА ШЕМЕТОВА

СВЕТ, ТВОРЯЩИЙ ЖИЗНЬ

* * *

В городе снова ночь, падает взгляд во тьму...
Я не смогу помочь городу моему —
Слишком он далеко, медленно стал чужим.
Мне было нелегко здесь, а мой город жил
Там, где высокий свод неба объемлет степь,
Где нет таких забот, чтоб поскорей успеть
На дефиле — показ клоунов и певиц,
В вихре безумных фраз телемедийных лиц,
Лезть богачам в глаза, сжав микрофон-весло.
Мне так легко сказать... Городу тяжело
Быть, как глаза, пустым: в треснувшей тишине,
В парке, где Ленин стыл, где голубел в огне
Мой выпускной закат, старых знакомых нет —
Новый пришёл уклад. И на его волне
Вдруг отшвырнуло прочь всех, кто ту степь обжил.
Не захотел помочь нам никакой режим...
Мы оставляли всё, зная, что навсегда.
Так демократий сон кончился, и беда
В щели впустила дым. Но поезда ведь есть!
И, взяв святой воды, каждый принял отъезд.

ШЕМЕТОВА Ольга родилась в г. Кокчетаве (Северный Казахстан). В 1997 году окончила художественно-графический факультет Кокчетавского университета имени Чокана Валиханова. В 1998 году поступила в Литературный институт имени А. М. Горького (семинар С. Ю. Куняева), в 2003 году защитила диплом. Публиковалась в журналах "Юность", "Литературная учёба", "Наш современник". Живёт в Москве.

Ныне вокруг Москва: возле шоссе ларёк,
Блещут огни реклам, музыка в ночь орёт,
Доллары вверх парят, в гости зовут друзья.
Но, переплыв моря, прежними стать нельзя.

В ПУШКИНО

Серое небо окутало город мглой.
В Пушкино тихо, лишь речка Уча журчит.
Берег её лазурный покрыт золой,
И вереница домишек хлебает ши.

А по аллеям летит, как огонь, листва,
В астрах дворы и в зелёных глазах котов.
В старом камине потрескивают дрова,
Дождь отступает, как мировой потоп.

Я ничего не знаю о том, зачем
Жизнь в этот город меня привела: мечтать,
Быт обустроить иль с сумочкой на плече
На местном рынке последний отдать пятак.

Но понимаю, что мне повезло до слёз, —
Есть переулки, заборы, домишек сон,
Серое небо и в линию сжатый плёс.
И хорошо, что на пальце блестит кольцо...

* * *

Посвящается Елене Алексеевой

Что знаем мы о смерти? Бездна лет —
в ней улицы, дома, деревья, люди
незыблемы, но чей-то силуэт
отныне в их толпе уже не будет.

Ему — не быть, а им во мгле стоять
и неизбежно уставать под вечер...
Но серый кот не прыгнет на кровать,
и помнить смысла нет, что время лечит.

И этот страх не только у людей:
деревья гибнут стоя, звери — лёжа.
Но можно ли понять, что быть беде?
Взгляд отвести, который насторожен?

Слова пророков снова нам не впрок.
Но есть ли в этом злая воля свыше?
Нам неизвестен смысл земных дорог,
не ведаем, зачем младенец дышит.

Утраты боль — не порожденье зла,
Она в награду оставляет память.
Нельзя сказать: “Он жил”, “Она жила”, —
ведь вечен Свет, творящий жизнь веками.

Я опять вспоминаю жизнь,
Ту, которой жила когда-то
В тихом городе, где ежи
На тропинках, где небо-вата,
Где на крышах убогих дач
Домотканно-двустенны трубы,
Где качается карагач
И весна надувает губы,
Не желая никак войти
В старый парк, что рассветом болен.
Но туда не ведут пути,
Потому что никто не волен
Выбирать для себя судьбу.
Я могу посетить Варшаву
Иль Париж (и с клеймом на лбу
Оказаться не чуждой шарму).
Но туда, где шумит ковыль,
Мне возврат навсегда заказан.
Потому что настала быль
И закончилось время сказок,
Тех, одной из которых был
Громкий росчерк на карте мира —
СССР, — где меня любил
Этот город, и та квартира
Угловая на этаже
То ли пятом, а то ли вечном...
На оставленном рубеже
Тает контур, и быстротечно
Пролетают иные дни,
И другие дела тревожат.
Я шепчу лишь: “Не прокляни,
А помилуй, о Боже, Боже...”

Я ПОМНЮ КИЕВ

Я помню Киев в гроздьях винограда.
Мне было десять лет и до распада
Страны, что карту мира берегла,
Ещё дышала жизнь добра без зла.
Крещатик ждал каштановых теней,
И вдаль идущий не был на прицеле.
Купив пломбир, бродила я без цели,
Не ведая глубин грядущих дней.
Мне вдруг букетик подарил цветочник,
И взгляду, как ладонь, раскрылась площадь...
Что тридцать лет спустя горит на ней,
Не знаю я, но ясно вижу лица:
Какая-то безумная столица
Из Африки иль Папуа-Гвиней.
Как будто провели карандашом
Карикатуры из “За рубежом”
(кто помнит эту давнюю газету?)
Омега, альфа, гамма или бета,
О том вещает некий Тягнибок
И громко повторяет: “С нами Бог!”
Но плачет пожилой строитель БАМа,
Но глупо улыбается Обама,

И я смотрю безмолвно на экран —
Европа, Рада, доллары, майдан.
Вот кто-то грузит, подгоняя кузов,
Украшенное золотом джакузи,
А стоны умирающих от ран
Досадно отвлекают на минуту,
Вот двери человек с лицом Иуды
Берёт необоримо на таран...
И понимаю — никуда не деться
От попранных воспоминаний детства:
Там в дальних куполах играло солнце,
И Днепр был золотом, и крепким — чай,
И ветер так распахивал оконца,
Как будто вечный август обещал.
Как плод каштана, медленно крепчал
Вечерний Киев в восемьдесят пятом.
...Четырнадцатый год, удар плеча...
Кому и для чего нужна расплата?